СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XVIII, № 9.

НОВЫЕ ТРУДЫ

ПРЕОСВЯЩЕННАГО

ПОРФИРІЯ УСПЕНСКАГО

С. И. Пономарева.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1878.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1878 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

БИБЛІОГРАФІЯ.

(С. И. Пономарева)

НОВЫЕ ТРУДЫ ПРЕОСВ. ПОРФИРІЯ УСПЕНСКАГО.

Востокъ христіанскій. Первое путешествіе въ аѳонскіе монастыри и скиты архимандрита, нынѣ епископа, Порфирія Успенскаго въ 1845 году. Кіевъ. 1877. Въ б. 8 д. Часть 1-я въ 2-хъ отдѣлахъ, 386 и 341 стр.

Исторія Аѳона, его же. К. 1877. 3 тома. Аѳонъ языческій; Аѳонъ христіанскій, мірскій; Аѳонъ монашескій по 1204 годъ. IV, 228; 179; 383. Цѣна всѣмъ пяти книгамъ, съ тремя картами, 5 рублей съ пересылкою. *Порознь не продаются.*

Преосвященный Порфирій, первый викарій кіевской митрополіи, давно уже извѣстенъ въ мірѣ ученомъ, какъ глубокій изслѣдователь христіанскаго Востока. Его два «Путешествія на Синай и по Египту» (изд. въ 1856 и 1857 г.) пользуются почтною извѣстностію. Его указатель актовъ, хранящихся на Аѳонѣ, былъ первымъ обстоятельнымъ описаніемъ почти 500 письменныхъ тамошнихъ памятниковъ. Разнородные труды его по исторіи Востока (помѣщавшіеся преимущественно въ «Трудахъ Кіев. Дух. Академіи») доставили ему отъ с.-петербургскаго университета степень доктора еллинской словесности. Его «Исторія Аѳона», появившаяся первоначально въ томъ же Кіевскомъ журналѣ (1871—1873), была первымъ серьезнымъ трудомъ объ Аѳо-

нѣ и обратила на себя справедливое вниманіе ученыхъ; нынѣ она издана особо, въ трехъ томахъ, *исправленная и дополненная.* Его библіотека на языкахъ восточныхъ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ собраній въ свѣтѣ. Академикъ И. И. Срезневскій, осматривавшій ее еще въ 1867 году, пришелъ къ тому убѣжденію, что ради ея одной археологу необходимо поѣхать въ Кіевъ. И до нынѣ маститый архипастырь, великій трудолюбецъ, продолжаетъ неутомимо работать для науки и приготовилъ ученыхъ трудовъ столько, что для одного изданія ихъ потребовалось бы нѣсколько лѣтъ. Къ сожалѣнію, досужаго времени у него, отъ служебныхъ занятій, мало, и потому-то медленно выходятъ его обширныя сочиненія. Но эта запоздалость ихъ появленія нисколько не умаляетъ достоинства ихъ. Лучшимъ примѣромъ тому служитъ его «Путешествіе въ Аѳонскіе монастыри», о которомъ мы хотимъ говорить. Совершенное въ 1845 году, оно и нынѣ, чрезъ 32 года, имѣетъ полную цѣну и важность для науки, какъ это видно будетъ даже изъ нашего сжатаго обзора. Тѣмъ, кто любитъ многосодержательный трудъ, весь проникнутый исторической истиной, мы горячо рекомендуемъ эту книгу.

Характеръ этой книги и вообще ученой дѣятельности своей авторъ самъ очерчиваетъ стихами Лафатера:

«Отыскивать истину въ путаницѣ понятій,
«Предъощущать ее, находить ее,
«Исправлять свои ошибки —
«Вотъ моя утѣха, мое стремленье».

И онъ вполнѣ остается вѣренъ этому девизу. Служеніе истинѣ, гдѣ бы то ни было, проникаетъ собою всю его книгу. Мало того: это путешественникъ вовсе не односторонній; богомольная сторона у него занимаетъ скромное мѣсто и никогда не выставляется на показъ. Это по преимуществу путешественникъ-историкъ и археологъ, путешественникъ-критикъ. Приводя какую нибудь легенду, онъ сейчасъ же провѣряетъ ее несомнѣнными

историческими данными. Вслѣдствіе этого онъ нерѣдко отрицаетъ преданія аѳонцевъ, ихъ исторію, ихъ филологію; вмѣсто ихъ повѣрій и объясненій, приводитъ свои, добытые всестороннимъ изученіемъ предмета: и правда всегда на его сторонѣ; здравый смыслъ самихъ аѳонцевъ заставляетъ ихъ соглашаться съ нимъ (аѳонцевъ, конечно, добросовѣстныхъ и любящихъ правду). Историкъ въ немъ смѣняется изслѣдователемъ нравовъ, даровитымъ разсказчикомъ, поэтомъ даже. Короче сказать, онъ подобенъ тому евангельскому книжнику, который, какъ сокровищница, выдаетъ и старое и новое.

Въ доказательство этого прослѣдимъ, хотя кратко, его путь до Аѳона.

Въ іюлѣ 1845 года, авторъ, тогда еще архимандритъ, выѣзжаетъ изъ Константинополя на Аѳонъ чрезъ Солунь. По дорогѣ онъ разрѣшаетъ себѣ вопросъ о причинахъ разрозненности славянъ, отчего они доселѣ не сплотились въ одинъ народъ и подпали подъ власть грековъ, турковъ и разныхъ нѣмцевъ (с. 1—2); описываетъ свой путь; видя издали съ разныхъ сторонъ Аѳонъ, представляетъ нѣсколько его рисунковъ (стр. 4, 17, 22); очерчиваетъ Солунь; ѣдучи на конѣ, по дорогѣ на Аѳонъ, чертитъ путевую карту, съ обозначеніемъ на ней ближнихъ и дальнихъ мѣстностей, и ихъ разстоянія; указываетъ слѣды древнѣйшихъ городовъ; описываетъ сѣрные ключи, металлическія руды; обозначаетъ слѣды славянскихъ поселеній, приводитъ образцы славянизмовъ въ языкѣ тамошнихъ жителей (стр. 15, 19 и 36); описываетъ и срисовываетъ костюмы (15); представляетъ исторію замѣчательнѣйшихъ мѣстъ по пути, пользуясь для этого первыми источниками, греческими и латинскими — и трудами древнихъ и авторитетныхъ путешественниковъ; описываетъ и срисовываетъ остатки древностей; снимаетъ надписи; замѣчаетъ направленіе дороги, характеръ мѣстности; представляетъ обширный историческій очеркъ Сидирокавсіи (Халкидики), приводя значительныя выписки изъ Геродота, Ѳукидида, Діодора Сицилійскаго и Демосѳена; говоритъ о началѣ и судьбѣ христіанства въ попутныхъ

епархіяхъ Кассандрійской и Ериссовской; разсказываетъ о Ксерксовомъ каналѣ; при описаніи разныхъ мѣстъ, онъ нерѣдко излагаетъ миѳологическія сказанія о нихъ, о божествахъ языческихъ, и раскрываетъ ихъ смыслъ физическій, религіозно-нравственный и историческій. Вообще, по всему труду его широкою струею разливается классицизмъ, вполнѣ усвоенный имъ въ Петербургѣ, Одессѣ и Вѣнѣ *). Серьезный разсказъ свой онъ освѣжаетъ разговорами, характеристиками и анекдотами.

Таково содержаніе первыхъ 57 страницъ его книги.

Прибывъ на Аѳонъ, онъ проживаетъ въ монастыряхъ отъ 5 до 16 дней въ каждомъ и описываетъ ихъ всесторонно, за исключеніемъ развѣ богослужебной и обрядовой стороны, которой касается онъ изрѣдка. Свои описанія монастырей онъ располагаетъ по слѣдующему плану:

1. Справедливо признавая замѣчательно-тѣсную связь языческой миѳологіи съ христіанствомъ на Аѳонѣ и приходя къ убѣжденію, что безъ знанія миѳологіи нельзя понять Аѳона многобожнаго, авторъ въ начало исторіи всякаго монастыря ставитъ сказанія о встрѣчѣ язычества съ христіанствомъ на данной мѣстности; затѣмъ излагаетъ *первоначальную* судьбу монастыря или скита, предполагая сдѣлать цѣльную исторію каждаго изъ нихъ предметомъ особаго сочиненія.

2. Описаніе мѣстоположенія обителей, ихъ святынь, живописи, утварей; снимки надписей на вещахъ, зданіяхъ, стѣнахъ монастырей; описаніе замѣчательнѣйшихъ рукописей, съ выдержками нерѣдко весьма обширными. Особенно много предлагаетъ онъ матеріаловъ для исторіи иконописи и просвѣщенія. Говоря объ иконахъ, онъ опредѣляетъ ихъ вѣкъ, достоинство работы, типичность и племенныя особенности фигуръ и прихо-

---

*) Классицизмъ сослужилъ ему великую службу, особенно въ его «Исторіи Аѳона»; безъ него многое осталось бы для автора темнымъ и совершенно неразгаданнымъ во всѣхъ періодахъ аѳонской жизни.

дитъ иногда къ важнымъ и новымъ выводамъ, какъ напр. тотъ, что христіанство вошло въ Россію по Дону и Волгѣ изъ Египта и Сиріи ранѣе, чѣмъ по Днѣпру изъ Византіи (I, 224). Съ обширными выписками его по исторіи просвѣщенія подробно ознакомимся ниже.

и 3. Замѣтки о числѣ монаховъ въ каждой обители, объ ихъ преданіяхъ и толкахъ, о монастырскихъ имѣніяхъ и доходахъ съ нихъ и пр. При этомъ онъ дѣлаетъ характеристики настоятелей ихъ и другихъ властныхъ и почетныхъ старцевъ, и характеристики эти весьма мѣтки, какъ можетъ свидѣтельствовать пишущій эти строки, самъ прожившій на Аѳонѣ немалое время.

Все замѣченное по такому плану онъ немедленно вносилъ въ дорожный дневникъ свой, въ *домикъ памяти*, какъ онъ выражается (стр. 167), и потому описанія его свѣжи, ярки, безукоризненно точны.

Такъ онъ описалъ въ настоящихъ книгахъ девять монастырей и три скита. Тогда же онъ сдѣлалъ множество рисунковъ со всего замѣчательнаго, что встрѣчалъ онъ на Аѳонѣ; но всѣ они войдутъ въ особое его «Живописное обозрѣніе Аѳона», и только часть рисунковъ и снимковъ (около 60) вошла и въ его «Путешествіе». Здѣсь вы встрѣтите виды, иконы, древности, планы, надписи, костюмы, ноты.

Описаніе обителей онъ сопровождаетъ частыми выписками изъ извѣстнаго путешествія Барскаго и Проскинитарія аѳонскаго 1772 года, сопровождая ихъ своими дополненіями и поясненіями. Обширныя выписки изъ актовъ монастырскихъ и разныхъ историческихъ рукописей вошли отчасти и въ настоящую книгу, отчасти въ его «Исторію Аѳона», а большею частію войдутъ въ особое изданіе его «Статистику Аѳона». Кромѣ актовъ и указанныхъ книгъ, источниками ему служили — весьма дѣльное описаніе Аѳона (въ рукописи) есфигменскаго игумена Ѳеодорита (1805 — 1817) и критическое разсужденіе о началѣ монашества

на Аѳонѣ (тоже въ рукописи) какого то Филоѳеита (стр. 154, 333, и II, 127).

Пойдемъ же теперь за нимъ изъ монастыря въ монастырь, останавливаясь лишь на томъ, что онъ разскажетъ намъ самаго замѣчательнаго.

По случайнымъ обстоятельствамъ, онъ сначала разсказываетъ нѣчто объ Иверѣ, но полное описаніе этой обители у него слѣдуетъ далѣе; тогда мы выслушаемъ его объ Иверѣ разомъ. Теперь начнемъ съ *Русика*.

Въ *Русикѣ* онъ перечиталъ и переписалъ почти всѣ акты монастыря, начиная съ 1030 года*). Изъ нихъ онъ заключаетъ, что первоначальное поселеніе русскихъ на Аѳонѣ, послѣ препод. Антонія, было въ обители Ксилургу (Древодѣля), между 1060—1081 г. Когда число ихъ умножилось, имъ данъ былъ, по указу императора Алексѣя Комнина, монастырь Ѳессалоникійцевъ (нынѣ Старый Русикъ). Но русскіе недолго жили на Аѳонѣ: отъ жившихъ тамъ же семействъ Валахскихъ произошло на Аѳонѣ *скоромное зло*, о которомъ стыдно говорить и слышать; разнесся слухъ, что по этому поводу патріархъ наложилъ на монастыри прещеніе и проклялъ даже дерева и воду; вслѣдствіе этого, игумены, монахи, безмолвники ушли полнымъ домомъ съ Аѳона,—изъ 180 монастырей тогда бывшихъ на Аѳонѣ опустѣло 120, а въ прочихъ остались только хромые да слѣпые старики; покинули тогда и русскіе монастырь свой и обитель Ксилургу (весьма въ плохомъ состояніи) и ушли, принеся съ собою поговорку: «*гдѣ чертъ не возьметъ, туда бабу пошлетъ*». Мѣсто русскихъ заняли въ 1143—1169 г. другіе Россы—далматскіе сербы, отъ которыхъ и обитель получила названіе обители Руссовъ. Изъ уцѣлѣвшихъ актовъ видно, что этотъ монастырь съ 1169 г. по 1705 принадлежалъ монахамъ сербскимъ, которыхъ

---

*) Они недавно изданы самимъ Русикомъ, съ пояснительными примѣчаніями. Кіевъ 1873, въ 8-о. VIII, 24 и 618 стр.

игумены всегда подписывались *по сербски*. Здѣсь, какъ *въ родномъ достояніи*, постриженъ былъ въ монашество сынъ великаго Жупана Сербіи, впослѣдствіи св. Савва, архіепископъ сербскій. Но память о первыхъ насельникахъ монастыря изъ *нашихъ* Россовъ держалась въ немъ. И когда Сербія пала, то, по просьбѣ сербской деспотицы Ангелины (1509 г.), великій князь Василій Іоанновичъ принялъ подъ свое покровительство Аѳонорусскій монастырь, какъ отчину свою. Съ тѣхъ поръ небольшія милостыни шли изъ Москвы въ Русикъ, но наши монахи въ немъ не жили. Въ 17 вѣкѣ онъ было сдѣлался жилищемъ птицъ и звѣрей. Потомъ, въ 1705 году властные святогорцы порѣшили было учредить на Аѳонѣ одинъ монастырь русскій; но попытка не удалась: въ 1744 г. уже не было тамъ ни одного русскаго монаха. И монастырь исчезъ бы, если бы не поддержали его господари молдовлахійскіе и иноки греческіе. Въ 1812 г. онъ съ основанія построенъ кн. Каллимахи на новомъ мѣстѣ, у морскаго берега. Такимъ образомъ Русикъ вовсе не искони и не постоянно принадлежалъ русскимъ. И только съ октября 1840 года, заботами духовника русскихъ аѳонцевъ, о. Іеронима, монастырь заселился русскими, возвеличился и обогатился, такъ что нынѣ въ немъ и самый игуменъ изъ русскихъ (*второй* за все время существованія монастыря *).

Въ нынѣшнемъ Русикѣ авторъ немного нашелъ замѣчательнаго, но не опускаетъ ничего, стоющаго вниманія. Между прочимъ, представляя рисунокъ двубедреннаго налоя (с. 90), составленнаго въ видѣ четырехъ змѣй, онъ трактуетъ о змѣевидныхъ буквахъ, послужившихъ началомъ всякой письменности. Всего

*) Издатели вышеупомянутыхъ «Актовъ» (К. 1873) и книги «По поводу вопроса объ Аѳонскомъ монастырѣ св. Пантелеимона» (Спб. 1874 г., 8-о, 187) не раздѣляютъ этихъ выводовъ преосв. Порфирія, вѣроятно, потому, что у нихъ не было подъ руками всѣхъ тѣхъ источниковъ, какіе были у него. Преосв. Порфирій зналъ обѣ эти книги и тѣмъ не менѣе остался при своихъ выводахъ. Онъ любитъ Аѳонъ, но истину еще больше.

болѣе авторъ обращаетъ вниманіе на библіотеку монастыря и въ ней на старинныя рукописи; онѣ для него лучше всѣхъ въ мірѣ профессоровъ. Здѣсь онъ вполнѣ въ своей сферѣ. Весьма серьезно образованный, превосходно знающій древніе и новѣйшіе языки, онъ свободно читаетъ, изучаетъ, переводитъ и многое переписываетъ изъ разныхъ рукописей. Все хорошее и достойное онъ обѣщаетъ помѣстить въ особомъ каталогѣ аѳонскихъ рукописей, а теперь передаетъ только нѣчто, интересное для науки, особенно богословской. Такимъ образомъ, онъ приводитъ выписки изъ рукописей Свящ. Писанія, богословскихъ книгъ, твореній св. отецъ, законовѣдѣнія, сборниковъ, писемъ, медицины, языковѣдѣнія. Изъ рукописей Свящ. Писанія онъ разсматриваетъ псалтирь, по изданію Святоградца, 1194 г. и другую — XIII в., и третью, въ стихахъ, еписк. Аполлинарія, 370 года. При этомъ говоритъ о ихъ особенностяхъ, приводитъ объясненіе надписей надъ псалмами, находитъ, что у грековъ былъ акаѳистъ Іисусу еще въ XIII в. Особенно заинтересовываетъ его Новый Завѣтъ X в. (переписанный съ изданія Козмы Индоплавателя), своею замѣчательною припиской. Историки церкви, конечно, обратятъ вниманіе на тщательный анализъ ея и другой подобной приписки 14 в., сдѣланный авторомъ (с. 108 — 113). Любуясь точностію греческихъ рукописей св. писанія, онъ настоятельно предлагаетъ издать ихъ, чтобы имѣть наконецъ текстъ св. писанія наидревнѣйшій (115). Тоже потомъ говоритъ онъ и касательно твореній отцовъ Церкви (125, 227, 229) и по этому поводу сильно возстаетъ противъ изданій нѣмцевъ (см. также II, 144 —145). По отношенію къ св. Писанію, онъ считаетъ замѣчательною рукопись «*Амфилохія* или толкованіе рѣченій св. писанія и отвѣты патр. Фотія на разные вопросы м. Амфилохія». Подобная ей рукопись напечатана монахами Аѳонской Лавры въ Аѳинахъ и посвящена нашему Государю (стр. 116).

На богослужебныхъ книгахъ Русика остановимся на минуту по слѣдующему обстоятельству. Когда-то *Искандеръ* печатно упрекалъ русское духовенство, что оно изъ словъ литургійныхъ

«*Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите*» эскамотировало слово «*любовію*» (вѣрою и любовію приступите). Но вотъ въ рукописи 1409 года, читанной преосв. Порфиріемъ, этого слова вовсе нѣтъ (с. 116), и прибавка эта у грековъ — недавняя. Какъ иногда легковѣрны умные люди!

По объясненію Твореній отцевъ церкви замѣчательны, по словамъ автора: Изъясненія къ словамъ Григорія Богослова, драгоцѣнная рукопись XI в., гдѣ найдешь всю ученость того времени. Внѣшнимъ образомъ замѣчательны «слова царя Льва Мудраго, *говоренныя имъ въ разныхъ церквахъ;* — впрочемъ, въ словахъ этихъ говорливости много, а мудрости мало, по мнѣнію преосв. Порфирія. Изъ писемъ укажемъ на письма Ефрема (патріарха іерусал. 1761 г.), который насчитываетъ 170 разностей между католиками и православными. Любопытно, что въ XI вѣкѣ настоятель Ивера, св. Георгій, въ бесѣдѣ съ царемъ Константиномъ Дукою, говорилъ: нѣтъ у насъ *никакой* разности съ римлянами, *только бы вѣра была правая* *).

Изъ рукописей по Медицинѣ (которую авторъ называетъ *кладбищною* наукой), онъ извлекаетъ длинный трактатъ по исторіи медицины греческой (128 — 141).

По языковѣденію — онъ списываетъ изъясненіе египетскихъ іероглифовъ, составленное Оромъ Аполлономъ; думы автора надъ содержательностію іероглифовъ привели его къ мысли, что іероглифы — не первоначальное письмо, и вотъ онъ предлагаетъ выработанные имъ изъ наидревнѣйшихъ памятниковъ образцы письма первобытнаго (с. 145 — 154). Отсылая читателя къ этому любопытному трактату, мы здѣсь замѣтимъ только, что глаголитскую азбуку авторъ считаетъ весьма древнею, что она первоначально читалась отъ правой руки къ лѣвой, стало быть выдумана въ Азіи Рассами или Россами, принадлежавшими къ наидревнѣйшему племени арійскому, что она старше Кириллицы и

*) Исторія Аѳона, ч III, стр. 193.

что изъ нея заимствовалъ Кириллъ, апостолъ славянскій, буквы: ж, ч, ш, щ, ъ, ы, ь. Съ любопытнымъ памятникомъ глаголицы встрѣтимся мы далѣе.

Изъ Русика авторъ нашъ отправляется *въ Лавру св. Аѳанасія.* Истый классикъ, онъ не только въ библіотекахъ, но и по дорогѣ всякій разъ касается миѳологіи, когда представляется необходимость объяснить историческую судьбу той или другой мѣстности. О чемъ ни говоритъ онъ, ко всему принизываетъ классическія воспоминанія, «какъ жемчугъ къ рубинамъ, изумрудамъ, топазамъ, яхонтамъ» (с. 167). Но пылкая любовь къ классицизму нисколько не мѣшаетъ ему сознавать и выразить такое убѣжденіе: «Да, Религія — сила животворящая! А что́ такое классицизмъ? Что́ такое философія? Это — бѣлила и румяна для лица, и золотой порошокъ, насыпаемый въ черные волосы и нимало не позлащающій ихъ» (169). Прекрасны здѣсь страницы, гдѣ онъ описываетъ свое восхожденіе на вершину Аѳона и виды оттуда (168—172); поэтъ смѣняется историкомъ, съ вершины онъ чертитъ карту всего Аѳона и передаетъ краткую исторію Аѳона отъ 2500 года *до* Р. Хр. по 1520 годъ *по* Р. Хр. (с. 173 — 176). Далѣе — описанія мѣстности, разсказы о жизни подвижниковъ, историческія воспоминанія о заселеніи Аѳона монахами перевиваются миѳологическими преданіями о мѣстности. Религіозность побуждаетъ его сказать подобающее слово о христіанскихъ святыняхъ; наука требуетъ отъ него воспоминаній о миѳахъ, чтобы объяснить то или другое. И благочестивое чувство читателя не смущается словами автора, что на вершинѣ Аѳона нѣкогда стояла статуя Зевеса, изъ чистаго золота, съ діамантовыми глазами, что на мысѣ Нимфейскомъ были чтимы свѣтолѣпныя, красивыя и нагія красавицы-нимфы, какъ образцы дѣвическаго цѣломудрія.

Въ библіотекѣ лаврской авторъ выбралъ 60 рукописей, древнихъ, съ означенными на нихъ годами появленія ихъ, и новыхъ, замѣчательныхъ по содержанію, и выписалъ изъ нихъ все замѣчательное. Полная опись и каталогъ ихъ войдутъ въ его

«Статистику Аөона»; здѣсь онъ передаетъ только содержаніе рукописи 1708 г., заключающей въ себѣ ученіе св. Григорія Паламы и борьбу его съ врагами Церкви; предлагаетъ существенную характеристику Паламы, какъ писателя, его богословской школы и приводитъ краткія, кристаллизованныя изреченія отцовъ (229—262). При этомъ онъ характеризуетъ и себя: «Люба мнѣ священная краткость Богословія, но возлюбленнѣе simplicitas sancta (святая простота) нашего Сѵмвола Вѣры. Этотъ Сѵмволъ есть насущный хлѣбъ души, безъ котораго она не можетъ жить вѣчноблаженно; а Богословіе есть *веліе утѣшеніе на братской трапезѣ*, безъ котораго можно обойтись, какъ обходятся милліоны неграмотныхъ людей» (262). Изъ лаврскаго архива извлекаетъ онъ матеріалы для исторіи церкви русской и сношеній ея съ Востокомъ, при Өеодорѣ Алексѣевичѣ и Петрѣ Великомъ (265).

На пути изъ Лавры, онъ указываетъ мѣсто Амальфинскаго монастыря, построеннаго итальянцами въ X вѣкѣ, но исторію его онъ еще не уяснилъ себѣ во всей полнотѣ (с. 314 — 317).

Въ описаніи *Филоөеевскаго* монастыря, отмѣтимъ мнѣніе автора объ иконахъ, приписываемыхъ св. апостолу Лукѣ (321 — 326). Сущность его та, что св. апостолъ постоянно въ древнѣйшихъ памятникахъ называется врачемъ, а не иконописцемъ, что объ иконахъ его не вѣдали ни историки, ни отцы Церкви до IX вѣка, что онъ живо изобразилъ пресв. Дѣву, но не красками, а словомъ, не на доскѣ, а въ своемъ евангеліи, что онъ живописецъ душевной красоты и внутренняго величія ея. — Въ библіотекѣ Филоөеевскаго монастыря авторъ нашелъ двѣ славянскія рукописи XIV в., «Номоканонъ» и «Патерикъ», и приводитъ изъ нихъ выписки любопытныя по содержанію, указывая ихъ особенности въ правописаніи и языкѣ (326—332). На основаніи ихъ, авторъ приходитъ къ тому выводу, что миссійскіе (болгарскіе) славяне древле, что́ писали, то писали буквами греческими, и потому привыкли къ ихъ просодійнымъ придыханіямъ и къ знакамъ пре-

пинанія, и эту давнюю вѣковую привычку свою не оставили даже и тогда, когда имъ пришлось писать книги Кириллицею. Съ другой стороны, славяне миссійскіе и сербохорватскіе долго жили подъ владычествомъ латинъ и потому привыкли латинословить и переводить глаголы amav(i)eram — *любилъ быхъ*, dedi(e)sses — *далъ еси* (333).

Въ обители *Ксиропотамской* авторъ не нашелъ никакихъ рукописей, но въ ней онъ встрѣтилъ три рѣдкія печатныя книги, изъ коихъ одна, «*Стефана Византійскаго о городахъ*» (1678, Амстердамъ), послужила ему источникомъ для исторіи Аѳона. Въ архивѣ обители онъ обнаруживаетъ замѣчательнѣйшій подлогъ въ двухъ спискахъ съ хрисовула царя Романа, писанныхъ на пергаминѣ (стр. 350—368). Списки эти разнятся и противорѣчатъ другъ другу, исторіи и хронологіи, и авторъ разбираетъ ихъ остроумно, неумолимо-строго, и приходитъ къ тому выводу, что подлинный хрисовулъ едва-ли существовалъ. Такой же подлогъ раскрываетъ онъ и въ хрисовулѣ царя Андроника. Оба они сочинены въ концѣ 17 вѣка малоученымъ аѳонцемъ. Съ блестящимъ остроуміемъ разбираетъ нашъ авторъ такой же подложный хаттишерифъ султана Селима (стр. 372—376). Прочитавъ его разборы, невольно скажешь — справедливо восклицаетъ авторъ словами Ювенала: mendax Graecia! Лживая Греція! Исторія Ксиропотамскаго монастыря — самая запутанная, и авторъ основательно радуется, что ему удалось ее разъяснить. Этимъ кончается первая часть книги.

Въ монастырѣ *св. Павла* авторъ возстановляетъ подлинную біографію основателя его, которую аѳонцы превратили чуть не въ миѳъ, и скромно говоритъ, что свѣдѣнія его о судьбѣ обители скудны. «Примите и малое. Гривенникъ не рубль, однако и за него можно купить немного хлѣба и утолить голодъ» (2, 12). За то здѣсь ему посчастливилось сдѣлать два замѣчательныя открытія въ библіотекѣ. Надо сказать сначала, что монастырь этотъ съ 1354 г. заселили сербскіе монахи, которые и жили тамъ до 1740-хъ годовъ. Этимъ объясняется то, что авторъ

встрѣтилъ здѣсь *древній Ресавскій переводъ свящ. Писанія* съ греческаго языка на славянскій, именно Апостолъ, рукопись 1638 г.; авторъ приводитъ изъ нея отрывки и предлагаетъ свои объясненія (с. 16—22). Ресава — округъ въ с.-в. Сербіи, между рѣками Великою Моравою и Млавою; тамъ былъ монастырь Раваница, котораго монахи, по порученію деспота Сербіи Стефана Высокаго (1389 — 1427), явились *прѣводниками* св. Писанія и мастерами *добрыхъ книжныхъ изводовъ* (изданій); объ ихъ трудахъ съ похвалою отзывался Константинъ, философъ Костеньчьскій. На основаніи этого перевода, преосв. Порфирій заключаетъ, что въ наилучшихъ церковно-славянскихъ переводахъ свящ. Писанія рѣчь не сербская и не болгарская, а словенорусская, и что лучшій церковный языкъ есть тотъ, которымъ славословимъ Бога мы. Переводъ сдѣланъ съ греческой рукописи не позже IX в. Кромѣ этой богословской новости, авторъ оповѣщаетъ и другую — *четырнадцать проповѣдей* россійскаго митрополита Григорія Цамблака (сконч. 1420 г.). Авторъ всѣ ихъ переписалъ для себя и въ книгѣ приводитъ обширные отрывки изъ нихъ и свое мнѣніе объ этомъ замѣчательномъ ораторѣ (с. 22 — 64). Важное значеніе этихъ двухъ открытій оцѣнятъ историки Церкви, филологи и историки литературы. Въ той же обители онъ нашелъ «Лѣтовникъ Георгія Амартола» на славянскомъ языкѣ (с. 88), но не сообщаетъ о немъ никакихъ извѣстій.

На пути къ малому Аѳону, въ развалинахъ церкви онъ замѣчаетъ черепичныя трубки, вставленныя одна въ другую, и угадываетъ въ нихъ *голосники*, которые вставлялись въ стѣны церквей для того, чтобы голоса пѣвцовъ громче раздавались по всему храму (с. 89 — 90). Нахожденіе подобныхъ голосниковъ и въ другихъ развалинахъ, относящихся къ 5 вѣку, показываетъ, что древніе христіане были большіе любители пѣнія. Въ церкви монастыря *Діонисіатскаго* онъ останавливаетъ свое вниманіе на иконѣ, на которой архимандритъ сирійскихъ монаховъ изображенъ въ бѣломъ клобукѣ; и такъ, вотъ откуда бѣлые кло-

буки, изъ Сиріи! (стр. 98). Смотрите рисунки этихъ клобуковъ въ 1-й книгѣ, стр. 223.

Въ *Григоріатской* обители (также бывшей славянской) авторъ находитъ въ одной рукописи извѣстіе, что нѣкоторые наши корабли и полки въ 1805 г. содѣйствовали ея обновленію, а поминать вкладчиковъ едва-ли кто поминалъ, по незнанію русскаго языка, такъ какъ обитель стала уже греческою (с. 126 — 127). Другая рукопись содержитъ въ себѣ вѣрное и отчетливое описаніе монастырей аѳонскихъ и ихъ мѣстностей, составленное игуменомъ Есфигменской обители Ѳеодоритомъ (1805 — 1817); это драгоцѣнный матеріалъ для исторіи Аѳона. «Цѣны ей нѣтъ!» восклицаетъ авторъ и переписываетъ ее всю. Изъ третьей рукописи онъ излагаетъ жаркіе споры аѳонцевъ между собою о времени поминовенія усопшихъ, споры, которые въ 1770 — 1809 годахъ волновали весь Аѳонъ, всѣхъ его богомольцевъ и даже Церковь Константинопольскую. Среди этихъ споровъ одни аѳонцы говорили о другихъ «еретики, фармасоны: они учатъ, что І. Христосъ былъ ремесленникомъ, они унижаютъ Его божественность» (стр. 127 — 131). Внимательно же читали Евангеліе эти аѳонцы! — Замѣченныя авторомъ здѣсь приходо-расходныя тетради монаховъ, длинныя и узкія, даютъ ему поводъ сказать, что такія книги греки понынѣ называютъ *дифтерами*, что ихъ-то и разумѣлъ св. апостолъ Павелъ, когда одному изъ учениковъ своихъ велѣлъ принесть ему *дифтеры*, и потому напрасно хотятъ видѣть въ нихъ походную библіотеку сего вселенскаго учителя, глаголавшаго всегда по вдохновенію отъ Духа Божія и не нуждавшагося въ книжной мудрости человѣческой (136). Конечно, такъ; но дѣло въ томъ, что въ греческомъ текстѣ Новаго Завѣта эти книги называются не дифтерами, а *мембранами*.

Въ м. *Симопетрѣ*, исчисляя святыни его, авторъ дѣлаетъ слѣдующую любопытную замѣтку: «Много св. мощей на Аѳонѣ, очень много. Но жаль, что здѣшніе монастыри не имѣютъ запи-

сей о происхожденіи ихъ, такъ-что не знаешь: кто и когда принесъ эти святыни, за исключеніемъ немногихъ изъ нихъ, которыхъ датели извѣстны. Впрочемъ, *«любы всему вѣру емлетъ»*. Огонь же предъ общимъ воскресеніемъ всѣхъ людей испепелитъ и св. мощи; а изъ праха Всемогущій возсоздастъ новыя тѣла духовныя» (138). — Въ библіотекѣ монастыря онъ встрѣчаетъ рукописи св. Писанія XII и XIV в., которыя называетъ *основными*, и снова горячо рекомендуетъ ихъ для возстановленія подлиннаго текста, и снова нападаетъ на нѣмецкихъ книгопродавцевъ, которые, по спѣшности и скупости, допустили разночтенія въ сдѣланныхъ ими изданіяхъ. «Ужь мнѣ эти нѣмцы! — восклицаетъ онъ. Ищутъ истины, а найти ее не умѣютъ, и потому напоминаютъ собою разбойничьихъ коней, которые непрестанно норовятъ сворачивать съ большой дороги въ сторону. Счастливо имъ оставаться тутъ» (с. 145).

Въ описаніи м. *Иверскаго*, гдѣ авторъ былъ два раза, онъ между прочимъ предлагаетъ классическія замѣтки о зеленомъ мраморѣ, изъ котораго изсѣчены колонны и полъ въ обители; съ любовью говоритъ о греческомъ пѣніи, которое далеко не такъ монотонно, какъ инымъ кажется. Авторъ изучилъ греческую церковную музыку, и въ монастырѣ его, въ Кіевѣ, разъ въ году поется обѣдня по греческимъ нотамъ. Образецъ руладъ греческихъ онъ приложилъ въ книгѣ (ч. I, стр. 72). Тогда же записываетъ онъ образецъ греческой архіерейской проповѣди (73). Посѣтивъ во второй разъ Иверъ, авторъ представляетъ критическое изслѣдованіе явленія Иверской иконы Божіей Матери, образъ которой такъ уважается у насъ въ Москвѣ (ч. II, стр. 159—171). Существованіе иконы авторъ относитъ къ началу IX вѣка, къ г. Никеи; тамъ благочестивая вдова, опасаясь гоненій отъ иконоборцевъ, пустила по морю образъ Богоматери, и онъ 170 лѣтъ держался на морѣ у какого-то никѣмъ непосѣщаемаго и тихаго берега морскаго на о. Лимносѣ, и отсюда морскимъ теченіемъ въ 999 году принесенъ былъ къ Аѳону, гдѣ увидѣли его монахи и приняли, и вотъ онъ существуетъ въ монастырѣ уже

877 лѣтъ. — Съ особенною похвалою и неразъ отзывается авторъ объ обычаѣ аѳонцевъ устраивать придѣлы въ западной части церкви, съ боковъ ея, со внутренними входами съ сѣвера и юга, и считаетъ его весьма разумнымъ, ибо въ такихъ придѣлахъ можно совершать, какія нужно, священнодѣйствія *въ одинъ часъ* съ священнодѣйствіемъ, совершаемымъ въ главной церкви, чего не можемъ дѣлать мы, ставящіе придѣльные алтари въ части храма восточной. Многое заняли мы у аѳонцевъ, но не переняли у нихъ искусства строить церкви разумно, знаменательно и удобно для священнослуженія и здоровья (ч. II, 182; I, 202). Большое вниманіе обращаетъ онъ на иконы Иверской обители, которыя подробно описываетъ и прилагаетъ рисунки съ нихъ. На одной изъ этихъ иконъ, «Упованіе христіанъ», въ лѣвой рукѣ Богоматери виситъ хартія, на которой начертана слѣдующая превосходная надпись, въ видѣ разговора Богоматери съ Ея Сыномъ-Человѣколюбцемъ (стр. 200 — 201):

«Пріими прошеніе
Твоей матери, Милостиве.
— Чего просишь, Мати?
«Людямъ спасенія.
— Они прогнѣвали Меня.
«Помилуй ихъ, Сыне мой.
— Но они не обращаются.
«Спаси ихъ благодатно.
— Получатъ избавленіе. —

Въ библіотекѣ Иверской авторъ съ особеннымъ усердіемъ изучаетъ два толстые рукописные сборника, одинъ XVII в., другой 1514 года, въ которыхъ всѣ статьи взяты изъ разныхъ рукописей. Подобные сборники — говоритъ онъ — у грековъ называются *куварасами.* А кувар - асъ тоже, что у насъ кубарь или клубокъ, на который наматываются нитки, ленты, снурки. Въ

самомъ дѣлѣ сборники походятъ на такіе клубки. Въ нихъ помѣщены разныя разности, богословскія, философскія, историческія, каноническія, географическія и пр. и проч. Перелистываешь ихъ, и словно *кубаремъ катишься* по тропамъ человѣческаго знанія (102). Сборники эти называются и *пандектами*, а пандектъ можно перевесть по русски такъ: *Все тутъ есть* (стр. 204). Изъ этихъ-то сборниковъ авторъ приводитъ разнообразныя и обширнѣйшія выписки (204—310). Изъ нихъ вниманію классиковъ предлагаемъ неизвѣстныя стихотворенія Ѳеокрита (с. 219—247), сочиненныя такъ, что расположеніе стиховъ изображаетъ въ одномъ свирѣль, въ другомъ крыло, въ третьемъ сѣкиру, въ четвертомъ жертвенникъ, въ пятомъ — яйцо. Въ видѣ подобныхъ рисунковъ авторъ и приводитъ стихотворенія, говоритъ о самомъ Ѳеокритѣ и предлагаетъ объясненія къ диковиннымъ его піесамъ, составленныя въ XIV вѣкѣ. Онъ такъ усердно сообщаетъ все это, что его умъ отъ этой поэзіи и наипаче отъ толкованія ея *зацвѣлъ* (с. 239). А въ другомъ мѣстѣ прямо говоритъ: «Наскучила она мнѣ» (247), и отказывается «сварить, облупить и въ ротъ положить *яйцо* Ѳеокрита». И намъ кажется, что многія выписки могли бы спокойно войти въ Статистику Аѳона, а въ описаніи путешествія они — излишняя роскошь; они слишкомъ отвлекаютъ вниманіе и отъ Ивера и отъ Аѳона. Несравненно болѣе интересны образцы греческой словесности, называемой имъ *плакущей* (по примѣру ивы плакущей). Это, во 1-хъ, плачъ Іоанна діакона Евгеника о взятіи Константинополя (с. 247 — 256). Дѣйствительно, вопли его и долгія заунывныя причитанья щемятъ сердце. Въ нихъ дышетъ чувство истинной скорби, отчаянія, любви къ павшему городу. Болѣе сжатъ и едва ли не болѣе потрясающій другой плачъ — плачъ евреевъ по Іерусалимѣ (257 — 258). Пламенныя слезы чуются и въ плачѣ патріарха Фотія, когда россы осаждали Константинополь въ 864 г. (259 — 261). Святитель особенно горько рыдаетъ при мысли, что можетъ пасть храмъ св. Софіи, «*недреманное око вселенной*», и призываетъ къ рыданію дѣвъ, юношей, матерей, дѣ-

тей. Чисто-историческимъ характеромъ, многими ужасными подробностями отличается плачъ неизвѣстнаго автора о Солунѣ, и о томъ, что происходило въ Солунѣ, предъ взятіемъ его турками (264 — 268). Любители церковной поэзіи обратятъ вниманіе на плачи духовные, покаянные (273 — 277), и на изъясненіе разговора между Спасителемъ и Матерію Его на бракѣ въ Канѣ (278), и на изъясненіе нѣкоторыхъ ирмосовъ (283 — 286). Для историковъ церкви интереснымъ будетъ вѣроисповѣдное посланіе Святогорцевъ къ царю Михаилу Палеологу, спѣшившему соединить съ ними латинцевъ (с. 288 — 301). Пастыри Церкви обратятъ вниманіе на древніе церковные обычаи при литургіи и рукоположеніи (с. 305, 306 и 308). Наконецъ въ Иверскомъ же монастырѣ авторъ находитъ судебное Солунское дѣло 982 г., которое неожиданно показываетъ ему давнюю давность глаголицы. Здѣсь онъ усмотрѣлъ и прочелъ глаголитскія буквы въ 4 ряда около креста, служащаго въ дѣлѣ свидѣтельскимъ знакомъ; онъ снялъ точную копію съ нихъ, разсмотрѣлъ всѣ обстоятельства дѣла и пришелъ къ выводу, что эта подпись старше всѣхъ извѣстныхъ памятниковъ глаголицы. Изъ судебнаго дѣла и изъ современнаго ему хрисовула царя Романа 960 г. оказывается, что въ 960 году, подлѣ города Іериссо, жили рабы болгары, что глаголитское письмо было имъ извѣстно уже въ 10 вѣкѣ, что глаголитскую письменность признавали и солунскіе судьи, что буквы подписи такія же, какими писались и богослужебныя книги; стало быть, богослуженіе у этихъ славянъ совершалось по книгамъ глаголическимъ (стр. 310 — 316).

Поѣздка автора въ *Иверо-предтеченскій* скитъ познакомила его съ диковиннымъ мученикотворцемъ. Надо при этомъ сказать, что всѣ аѳонцы вѣрятъ и учатъ, что христіане потурчившіеся могутъ спастись только тогда, когда раскаются, примутъ св. муропомазаніе и послѣ чрезвычайныхъ пощеній, многихъ слезъ, земныхъ поклоновъ (отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ въ сутки, а поясныхъ безъ счету), пойдутъ къ мусульманскому судьѣ, проклянутъ предъ нимъ Магомета, исповѣдаютъ Христа какъ Бога,

заушатъ судью или слугу его и будутъ замучены турками. Поэтому аѳонцы ищутъ такихъ несчастливцевъ, приготовляютъ ихъ, какъ сказано, и провожаютъ ихъ къ вольной смерти за Христа; потомъ они покупаютъ ихъ тѣла у турецкихъ стражей, дробятъ ихъ на части, привозятъ въ свою обитель (вмѣстѣ съ разными тряпками и веревками) и собираютъ дань съ темнаго, но набожнаго люда. Примѣры такого мученичества были въ 1814—1818 годахъ; скоро они стали извѣстны въ Европѣ, и Порта, по настоянію посланниковъ, особенно лорда Коулея, предписала всѣмъ помѣстнымъ властямъ — не лишать жизни христіанъ потурчившихся и опять обратившихся ко Христу. Авторъ отнесся сначала къ такому самозванному мученичеству неблагопріятно, бесѣдовалъ объ этомъ съ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ (с. 338); владыка, не одобряя выставки мощей для наживы, защищалъ аѳонцевъ и ихъ мучениковъ, ссылаясь на примѣры древнихъ страстотерпцевъ, которыхъ Церковь признала святыми, и признавалъ въ новыхъ мученикахъ силу ихъ покаянія, ихъ любви ко Христу, ихъ рѣшимости умереть за Христа. Авторъ глубже вникнулъ въ значеніе этого мученичества и нашелъ въ немъ двѣ примиряющія стороны — во 1-хъ, энтузіазмъ всего греческаго народа, съ коимъ онъ присутствовалъ при смерти сихъ мучениковъ, намачивалъ полотенца и платки кровью ихъ, пригоршнями собиралъ землю, обагренную ею, цѣловалъ самую лодку, отвозившую останки мученика на глубину моря. Этотъ энтузіазмъ былъ геройскимъ отвѣтомъ народа тиранству турковъ, которые угнетали христіанство, насильственно забирали христіанскихъ дѣтей въ янычарскіе полки и обращали ихъ въ магометанство. Греки на мѣстахъ кончины мучениковъ *не говоря* говорили туркамъ: не поколебать вамъ нашей вѣры во Христа, не стереть вамъ всѣхъ насъ съ лица земли! Если мы умѣемъ умирать героями, — то съумѣемъ и жизнь нашу и дѣтей нашихъ защитить отъ васъ. Кровь мучениковъ нашихъ возопіетъ къ Богу и будетъ отмщена Имъ. Другая сторона — строгое приготовленіе къ смерти за Христа, дабы она явилась чистѣйшею жертвою любви

къ Нему, раздача милостыни бѣднымъ и нищимъ и горячія мольбы христіанъ, чтобы кончина мучениковъ была доблестна.

Этимъ оканчивается изданная половина Путешествія преосв. Порфирія. «Всего не опишешь — говоритъ онъ въ заключеніе — надобно пожить и для Неба. Кто не вноситъ вѣчность въ земное бытіе свое, тотъ — не знаю — что будетъ дѣлать въ раю вѣчномъ» (341).

Мы прослѣдили всю книгу преосв. Порфирія, останавливаясь преимущественно на предметахъ, имѣющихъ интересъ научный и на крупныхъ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ ею. Но въ ней еще есть множество предметовъ, интересныхъ въ другихъ отношеніяхъ, хотя, быть можетъ, не общезанимательныхъ и притомъ разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ его книги. Чтобы яснѣе показать содержательность ея, приведемъ еще нѣсколько мѣстъ, не чуждыхъ современнаго интереса.

Вотъ каковы были отношенія турокъ къ Аѳону въ 1821 году, во время возстанія грековъ. Вмѣстѣ съ другими греками, поднялись было и аѳонцы, снарядили судно и поѣхали воевать; но въ первомъ же столкновеніи съ турками были, конечно, побиты; тогда военные отряды турокъ заняли всѣ монастыри, покинутые монахами и стояли тамъ десять лѣтъ, стрѣляли въ св. образа, выдирали изъ рукописей листы для закуриванія трубокъ и приготовленія ружейныхъ пыжей, раскрывали свинцовыя кровли и изъ листовъ ихъ отливали себѣ пули, выкалывали глаза на иконахъ и такимъ образомъ попортили всѣ лица, наконецъ зажгли лѣсъ на значительномъ пространствѣ (I, 82; II, 198). Плохо было отъ турокъ и потомъ. Авторъ, путешествуя уже въ 1845 — 46 году по многимъ областямъ Турціи, говоритъ: «гдѣ

турокъ станетъ, тамъ все вянетъ, и гдѣ онъ поселится, тамъ все лучшее валится» (I, 10).

По удаленіи турокъ съ Аѳона, на святогорцевъ пали другія тяжести — увеличеніе податей и строгій таможенный надзоръ. Удивительно ли, что монахи чувствуютъ это иго, среди самаго глубокаго самоотверженія. Вотъ строгій подвижникъ, духовникъ пяти монастырей и архіереевъ, прерываетъ бесѣду съ авторомъ скорбными словами: «Россія, по прочествамъ, уже должна бы взять себѣ Константинополь, но вѣроятно, чей-то грѣхъ препятствуетъ ей совершить сіе дѣло. Что вы думаете объ этомъ?» (I, 179). Авторъ не могъ утѣшить подвижника. На Аѳонѣ, какъ и вездѣ на Востокѣ, глубоко вѣрятъ въ паденіе Турціи; эта вѣра выражается и въ книгахъ и на картинахъ. При входѣ въ лаврскую библіотеку, авторъ увидѣлъ прилѣпленный на стѣнѣ большой листъ бумаги, на которомъ бойко написана характеристика каждаго государства въ Европѣ и замѣчено, что предъ паденіемъ Турціи сокрушится и исчезнетъ одно старое государство (Австрія) (I, 226).

Не всѣ монахи Аѳона — подданные Турціи; монахи Павловскаго монастыря — англійскіе подданные; монахи же Лавры, Ивера въ 40-хъ годахъ хлопотали было принять покровительство Франціи, лишь бы она обезпечила неприкосновенность святогорскихъ имѣній въ Валахіи и Молдавіи, но затѣя ихъ скоро улетучилась.

Напуганные неудачнымъ исходомъ греческаго возстанія, аѳонскіе монахи стали крайне остерегаться самихъ грековъ, ихъ политическаго и вооруженнаго нашествія на св. гору. Объ этомъ нашествіи дѣйствительно думали въ Аѳинахъ, но монахи аѳонскіе, узнавъ объ этомъ, извѣстили Порту и просили ее усилить стражу на Аѳонѣ (I, 186).

Въ 1845 г. греческое правительство послало было на Аѳонъ своего консульскаго агента, подъ тѣмъ предлогомъ, что туда заходятъ греческія суда для торговли. Появленіе агента встревожило всѣ обители. Опасаясь зарожденія революціонной гречес-

кой *етеріи*, мрачнаго подозрѣнія Порты, внутренняго разстройства въ монастыряхъ, присылки агентовъ со стороны прочихъ державъ, всѣ монастыри единодушно стали хлопотать — поскорѣе устранить греческаго агента, и достигли своей цѣли. Незванный, непрошенный агентъ скоро удалился съ Аѳона.

Можетъ быть, тотъ же страхъ преслѣдованій турецкихъ заставилъ грековъ опасаться и русскихъ. Въ 1837 г. русскіе монахи (астраханскій архим. Евгеній, іеромонахъ Амвросій, настоятель нашей посольской церкви въ Константинополѣ) домогались овладѣть однимъ монастыремъ на Аѳонѣ, дабы въ немъ жили исключительно одни русскіе. Но аѳонскіе монахи не пожалѣли дать туркамъ и фанаріотамъ 200 тысячъ піастровъ (10 т. рубл.), только бы не было русскихъ хозяевъ на св. горѣ (I, 341). Всѣ подобныя столкновенія едва-ли устранились бы тѣмъ проэктомъ, который предлагаетъ нашъ авторъ своимъ рѣшеніемъ Восточнаго вопроса. Онъ говоритъ: «намъ нуженъ Дарданельскій проливъ для того, чтобы не громили насъ флоты соединенныхъ державъ — у нашихъ береговъ Чернаго моря, и преимущественно для того, чтобы Константинополь, съ придачею къ нему частицы Ѳракіи и Малой Азіи до Никомидійскаго залива, сдѣлать городомъ Божіимъ, городомъ постояннаго вселенскаго собора, въ которомъ должны присутствовать мудрые и святые мужи изъ всѣхъ народовъ, не одни духовные, а и мірскіе, и давать направленіе всемірнымъ дѣламъ (!?), судя гражданскія правительства, если онѣ въ чемъ либо будутъ виноваты предъ Богомъ и предъ народами (?)» (I, 3). Намъ кажется, что мысль о подобномъ соборѣ совершенно неосуществима; да если бы и исполнилась, соборъ имѣлъ бы ту же участь, какую имѣла недавняя константинопольская конференція.

Выслушаемъ лучше простой анекдотъ, сообщаемый авторомъ:

«Одинъ султанъ отъ скуки позвалъ къ себѣ главнаго жидовскаго раввина, чтобы поговорить съ нимъ о раѣ, и предлагалъ ему свои вопросы, выслушивалъ его отвѣты.

«Кто будетъ въ раю?

— Мы держимъ старый законъ Моисея: такъ мы и будемъ въ раю

«А гяуры греки гдѣ будутъ?

— За воротами рая, потому что они придерживаются нашего стараго закона.

«Гдѣ же мѣсто для турковъ?

— Вы на чистомъ полѣ будете жить въ палаткахъ.

«*Пеки*, *пеки*, хорошо, хорошо, сказалъ султанъ. Принесите же мнѣ 200 милліоновъ піастровъ на покупку палатокъ.

Раввинъ, испуганный такимъ внезапнымъ оборотомъ разговора, упалъ къ ногамъ султана и издохъ» (II, 152).

Помимо такого историческаго характера своей книги, авторъ изрѣдка касается духовной стороны Аѳона, его богослуженія, жизни монаховъ и высказываетъ свое мнѣніе обо всемъ. Въ Иверѣ напр. онъ останавливается на всѣхъ особенностяхъ богослуженія, какихъ въ Россіи онъ не видалъ и не слыхалъ (I, 68 — 73). Въ Лаврѣ онъ развиваетъ взглядъ свой на иконную живопись (I, 195 — 196). Много разъ высказываетъ свое мнѣніе о монашествѣ и монахахъ. Лучшіе монахи, по его мнѣнію, тѣ, которые кормятся трудами рукъ своихъ; таковы насельники Подъаѳонья: они работаютъ, безмолвствуютъ, молятся Богу, платятъ подати за землю, огороды и кельи свои. Такіе самоотверженные труженики достойны полнаго уваженія нашего. Они-то, на взглядъ мой, и суть божьи люди и истинные монахи на Аѳонѣ. Тамошніе монастырники, беззаботно проживающіе въ обителяхъ, гдѣ имъ и покойно, и хлѣбно, при всѣхъ внутреннихъ достоинствахъ ихъ, стоятъ ниже оныхъ тружениковъ. Причину живучести монашества авторъ объясняетъ такъ: она кроется въ глуби нашей души, скорбящей о грѣхахъ, сознающей временность своего пребыванія на землѣ, чающей жизни будущаго вѣка и порывающейся къ самоусовершенствованію (I, 286, 290, 298; II, 117). Для многихъ, вѣроятно, новостью будетъ то, что святогорцы смотрятъ на монаховъ какъ на міранъ, но уже от-

служившихъ міру и служащихъ Богу, и не причисляютъ ихъ къ церковному клиру, т. е. къ пресвитерству и діаконству, какъ это дѣлаемъ мы (I, 339. А все таки и на Аѳонѣ монахи постоянно титулуютъ другъ друга «*отецъ*, *отецъ*»; отчего же не «*братъ?*»).

Служитель религіи и науки, авторъ глубоко чтитъ ту и другую и въ разысканіяхъ своихъ всегда стремится идти путемъ истины, не уклоняясь ни на право, ни на лѣво. На св. Аѳонѣ правда должна имѣть мѣсто главное и вѣчное, и нашъ авторъ служитъ истинѣ въ высшей степени честно. Онъ довѣрчиво относится только къ сказаніямъ древнихъ писателей, сказаніямъ единственнымъ, незамѣнимымъ, коихъ нечѣмъ ни провѣрить, ни пополнить. Но ко всѣмъ не первымъ источникамъ онъ относится всегда критически, пользуется ими осмотрительно и скупо, исправляетъ ошибки; о самомъ почтенномъ преданіи онъ говоритъ: вложимъ это золото въ раскаленное горнило исторической критики, дабы узнать качество его (II, 166). Самыя житія святыхъ онъ читаетъ разсудительно, съ разборомъ содержащихся въ немъ подробностей, со взвѣшиваніемъ нѣкоторыхъ выраженій его, и съ повѣркою его другими мѣстными же извѣстіями (2, 115). Житіями же — сочиненіями риторическими — онъ пользуется съ большею осторожностію и скупостію. Въ разсказѣ о древнихъ дняхъ Аѳона, онъ допускаетъ и соображенія, коль скоро нѣтъ ни прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ, ни надписей, ни тому подобнаго. При такихъ пріемахъ, его изысканія имѣютъ всю силу точности и полны неотразимыхъ доказательствъ. Прочитайте напр. его изслѣдованія о скитѣ Кавсокалива (I, 290 — 291), объ икономствѣ Богоматери въ Лаврѣ (299 — 306), о захватѣ Лаврою Амальфійской мѣстности (316 — 317), о хрисовулахъ Ксиропотамскихъ (349 — 376) и пр. и пр., и вы согласитесь, что авторъ имѣлъ право воскликнуть: «О критика! ты— вѣрная подруга моему разуму! Не разстанусь я съ тобою, пока хожу по Аѳону, какъ громовержецъ» (2, 116). «Громовержцемъ», вѣроятно, и назовутъ его аѳонскіе иноки, но это будетъ

неосновательно. Авторъ безпристрастно относится и къ ученымъ и къ монахамъ. Онъ откровенно разсказываетъ напр. о болтовнѣ многоученаго наставника своего архим. Иннокентія Борисова, который училъ, что мы, по воскресеніи своемъ, будемъ летать, и что для этого волосы подъ мышками нашихъ рукъ преобразятся въ крылья (I, 93); такъ же свободно замѣчаетъ онъ вообще объ ученой братіи: «иной профессоръ съ виду — такой важный и величавый Акимъ Семенычъ, что хоть въ пророки записывай его, а мелетъ такой вздоръ, что уши вянутъ» (94 и 101). Отзывы его о нѣмецкихъ ученыхъ мы уже знаемъ. Съ тою же прямотою и откровенностью относится авторъ и къ монахамъ. Это — не святогорецъ, умилявшійся до нельзя предъ всѣмъ аѳонскимъ, а спокойный, прямодушный наблюдатель. Онъ откровенно разсказываетъ все, что видитъ. Вотъ какіе-то старцы подъ монотонные звуки церковнаго пѣнія преспокойно засыпаютъ вмѣстѣ съ задремавшими на нихъ клопами (90). Вотъ стѣнныя изображенія восточныхъ мучениковъ - воиновъ, русскою кистью написанныя такъ, какъ будто эти воины родились въ Россіи и выросли среди нашихъ дебелоплотныхъ мѣщанъ и купцовъ (90). Вотъ икона святаго, на которой лицо написано такъ моложаво и миловидно, что самъ греческій архимандритъ называетъ икону фрейлиною (92). Вотъ аѳонскій іеродіаконъ, который полученіе и раздачу св. огня іерусалимскаго называетъ *драматургіею* (121). Вотъ главный проэстосъ обители, отлично знающій славянскую брань, которая не печатается (160). Вотъ арендаторъ - монахъ, который заѣдаетъ 24,000 р. с. доходу обители (2, 151). Вотъ аѳонскій писатель скучной схоластики, у котораго голосъ деревянный, да и слогъ дубовый, и разсужденія его такъ же вкусны, какъ желуди (I, 59). Вотъ схимникъ съ предлинной, окладистой, пушистой бородой, кисловато-любезный и разсыпчатый, тяжело вздыхающій, подлѣ котораго ощущается въ воздухѣ кисловатый запахъ водки (II, 317, 318). Но довольно отдѣльныхъ личностей; вотъ общія черты: Въ 1845 г. вселенскій патріархъ, во время великаго поста, строжайше повелѣлъ выслать съ Аѳона всѣхъ

малолѣтковъ и юношъ для прекращенія педерастіи; но повелѣніе его осталось безъ исполненія (2, 85). — Монастыри спорятъ и тягаются по судамъ за границы своихъ владѣній. — Споры святогорцевъ о частомъ и нечастомъ причащеніи св. Таинъ, безъ приготовленія и съ приготовленіемъ къ нему, продолжаются (2, 136). Монахи общежительныхъ обителей нерѣдко причащаются безъ строгаго поста, такъ что наканунѣ ѣдятъ даже сыръ и масло; отшельники этого не одобряютъ, конечно, помня слово Златоустаго, что причащающійся тѣла и крови Христовой долженъ быть чище солнечнаго луча. А были на Аѳонѣ и такіе монахи, которые воображали, что они въ св. Причащеніи принимаютъ въ себя не всего Христа, а только частицу его, кто ушко, кто глазокъ, кто носокъ, пальчикъ и проч. За эту ересь властные старцы утопили въ морѣ 70 человѣкъ, и такимъ способомъ прекратили распространеніе заблужденія. «Грекамъ — говоритъ авторъ — давно надоѣли ереси; они не любятъ ихъ и хоронятъ въ морѣ. Туда имъ и дорога» (1, 342). Да, если бы можно было отвлеченную ересь утопить въ морѣ, но если топятъ несчастнаго заблуждающагося человѣка, то храни Богъ съ этимъ соглашаться. Вотъ хрисовулы подложные, описи лживыя, книги торопливыя утопить слѣдовало бы. А монахи аѳонскіе ихъ неразъ поддѣлывали, стяжанія ради, какъ это доказываетъ авторъ особенно въ своей Исторіи Аѳона (см. и здѣсь I, 317, 369).

Не мало интереснаго сообщаетъ авторъ и о монастырскихъ имѣніяхъ, доходахъ съ нихъ; но мы не станемъ группировать его свѣденій, какъ уже устарѣвшихъ. Событія въ Молдавіи и Валахіи, болгарскій вопросъ сильно измѣнили составъ монастырскихъ доходовъ. Турки также много отняли владѣній у аѳонцевъ. Какъ ни богаты монастыри теперь, но прежде они были гораздо богаче. Многія свѣдѣнія автора по этому предмету имѣютъ несомнѣнный интересъ для исторіи Аѳона; мы приведемъ ихъ здѣсь два — три. Монастырь Ватопедъ получалъ ежегодно со всѣхъ имѣній своихъ 600 тысячъ піастровъ (30 т. р.). Лавра имѣетъ

на Аѳонѣ самыя обширныя владѣнія и въ разныхъ мѣстахъ *тридцать* сборщиковъ милостыни. Монахи держатъ на откупу имѣнія и поглощаютъ половину доходовъ (I, 185; II, 84, 151). Турецкій ага, полицейскій на Аѳонѣ, получаетъ жалованья отъ монаховъ 1,000 р. (341).

Разсказывая спокойно о многомъ, авторъ увлекается только тогда, когда любуется природою, когда погрузится въ классицизмъ. Читайте его поэтическое описаніе Солунскаго залива (1, 5) *), дорогу отъ Кареи до Ивера (61), восходъ на вершину Аѳона (168 — 172), описаніе водопада Друванисти (II, 3, 90); монастыря Симопетры (140 — 141), мѣстность Морфино (I, 313), которая понравилась ему такъ, что онъ купилъ бы его у лавры и тутъ, неотмѣнно тутъ, построилъ бы монастырь для своихъ соотечественниковъ. (Другому путешественнику по Аѳону — извѣстному архим. Антонину болѣе всего нравилась Керася, см. его «Замѣтки», с. 230).

Увлеченіе свое классицизмомъ и миѳологіею авторъ объясняетъ, кромѣ указанной выше причины, еще слѣдующею: «На Аѳонѣ, гдѣ на столъ подаютъ тебѣ овощи вареные и печеные, жареные и пареные, тамъ только и посластишься чтеніемъ Омира, Есхила, Ѳеокрита, Пиндара, Аполлинарія (I, 108). Миѳы — загадки, но мудреныя. Отгадывайте ихъ, и вы узнаете глубокія истины, и подивитесь древней мудрости, умѣвшей выдумывать дивные миѳы (310).

Часто авторъ нашъ является и филологомъ и неологомъ, хотя не всѣ неологизмы его можно назвать удачными. *Привысь* (отрогъ, холмистая мѣстность (?) стр. 9); *ушельцы* (въ противоположность пришельцамъ, 78); *костовница* (кладбищная церковь, 93); *емъ, вытокъ* (русло, истокъ, 165); *обрамія* (края оклада на иконахъ, 193); *увясла* (клобуки, 223); *щупало* (критеріумъ, 233); *провидѣнчество* (провидѣніе, способность провидѣть, 237); *памяти* (памятники, 301); *яйность* (субъективность, II, 20); *то-*

---

*) Одну изъ надписей онъ переводитъ даже стихами. I, 225.

варка (подобный предметъ 65); *свѣтотѣнь* (свѣтлое и темное въ описаніи чего либо, 153); *омонашился* (поступилъ въ монахи, 157); *разгласіе* (отчего же не разногласіе? 101, 162 и ч. I, 238); *вольникъ* (прихотливый, 220); *отподобить* (снять копію, срисовать, 180); *отобразить* (тоже, 91); *укромники* (монастыри, 252); *отрокованіе* (обученіе отроковъ, 269); *втюрмилъ* (посадилъ въ тюрьму, 324) и друг.

Для оживленія своего разсказа, авторъ передаетъ иногда повѣрья и анекдоты (I, 16, 54, 93, 157, 180, 324; II, 64, 132, 137, 152, 308 и друг.).

Сдѣлавши такъ много, авторъ нерѣдко указываетъ, чего не успѣлъ сдѣлать онъ и что надо сдѣлать другимъ, о чемъ онъ настоятельно и проситъ всякаго путешественника. Мы обозначимъ эти страницы, какъ серьезное указаніе другимъ полезнаго труда: I, 11, 26, 99, 107, 118, 183, 199, 275, 280, 286, 296; II, 9, 63, 125, 144, 279, 325).

При такомъ многостороннемъ содержаніи своего сочиненія, при такомъ безпристрастномъ исполненіи его, авторъ имѣлъ полное право сказать, что Аѳонъ въ его описаніи будетъ представленъ въ истинномъ видѣ его, въ естественной свѣтотѣни его и съ выраженіемъ его тысячелѣтней жизни и дѣйствій и вмѣстѣ разныхъ скорбей, бѣдствій и соблазновъ II, 153).

Къ подобной содержательной книгѣ необходимъ былъ бы указатель предметный и указатель личныхъ именъ. Гдѣ говорится о многихъ сотняхъ предметовъ, интересныхъ для ученаго, любознательнаго, тамъ необходимо пособіе читателю, для удобнѣйшаго пользованія книгою. А сберечь время другаго значитъ продлить жизнь его.

Языкъ «Путешествія» — живой, своеобразный, мѣткій, прямой, сжатый, энергическій. Намъ показались излишними только нѣкоторые пріемы автора; напр. вотъ онъ ѣдетъ на пароходѣ и говоритъ: «Наступила ночь. Море смирно. Небо мирно. Мѣсяцъ свѣтитъ. Мертвый ѣдетъ, горя, дымя, дрожа. Порфирій, не бо

ишься ли? Я испугался бы только тогда, когда бы небо начало падать на землю» (1 стр.). Но въ другомъ мѣстѣ неустрашимый авторъ говоритъ: «Смотрю внизъ (съ вершины Аѳона) и вижу одно синее море. А вѣтеръ бушуетъ; и я начинаю робѣть, вообразивъ, что онъ сброситъ меня въ Эгейскую пучину. Робѣю и говорю своему домочадцу: Иванъ, боюсь я, какъ бы вѣтеръ не снесъ меня въ море. А онъ покачалъ головою и отвѣтилъ мнѣ: да развѣ вы хлопчатая бумага? Признаюсь: такой отвѣтъ пристыдилъ меня, но и ободрилъ (171). Или: «чтобы видѣть паденіе водопада, я ничкомъ прилегъ къ самому краю утеса, а ноги свои велѣлъ держать Ивану, боясь, какъ бы не помутила меня робость при видѣ ужасной стремнины, и какъ бы не ринула меня туда вмѣстѣ съ водопадомъ (2, 91). Но это еще не такъ странно, а вотъ: «Вы скажете, что тѣ (змѣи) напоминаютъ евангельскія слова: *будите мудры яко змія*. А я вамъ скажу: извините, не угадали! Тутъ иная мудрость, великая мудрость, старинная мудрость! Вонмемъ. Слушайте» (91). «Я переписалъ для себя завѣщаніе св. Аѳанасія Аѳонскаго, хорошо владѣя скорописнымъ перомъ и твердо зная греческое правописаніе (186). «Объясняю. Слушайте» (306). «Теперь у меня въ рукахъ другое перо; и имъ я пишу иное повѣствованіе» (376). «Готовъ. Ѣду. Поѣхалъ» (II, 1). «Въ эти три дня мнѣ нездоровилось: тружусь для науки, а сердце ноетъ и голова вздрагиваетъ отъ какихъ-то ударовъ въ лѣвой полости живота моего» (II, 85). «Какъ? спросите вы; да въ 829 г. развѣ были монастыри на Аѳонѣ? ... Совопросники мои, не сомнѣвайтесь въ этомъ, и знайте твердо, что» и пр. (167). Намъ кажется, что подобная бесѣда на распашку и нѣкоторая кичливость излишни и возбуждаютъ улыбку.

А пуще всего досадно, что опечатокъ въ книгѣ море великое и пространное, имъ же нѣсть числа. Немного найдется страницъ безъ одной, безъ двухъ и трехъ опечатокъ. Есть и описки: «въ 383 г. построена была *первая* на Аѳонѣ клирикальная обитель въ Ватопедіонѣ» (с. 42); нѣтъ, это не первая, а *вторая* (см.

Исторію Аѳона, т. II, с. 109). Приходъ преп. Антонія Печерскаго въ Кіевъ относятъ обыкновенно къ 1028 (Русскіе Святые, архіеп. Филарета, май, стр. 69), а не къ 1051 г., какъ показано у автора (с. 74). Одно и то же событіе — устраненіе вселенскаго патріарха Іоасафа — показано въ 1560 и 1564 годахъ (I, 40, 51), и проч.

Да извинитъ насъ высокоуважаемый авторъ за эти замѣчанія: намъ хотѣлось всесторонно и съ внимательной любовію поговорить о его многосодержательной книгѣ, тѣмъ болѣе, что о ней молчатъ наши духовные и свѣтскіе журналы, какъ будто у насъ такими книгами поле засѣяно.

Двумя вышедшими книгами не оканчивается описаніе путешествія преосв. Порфирія по Аѳону. Это только одна часть, въ двухъ отдѣленіяхъ, въ которой описаны 9 монастырей и 3 скита; остаются еще 11 монастырей и 7 скитовъ, въ которыхъ предстоитъ болѣе обильная жатва. Авторъ скромно называетъ свою книгу *incultus;* точно, въ ней есть нѣкоторая топорность, а все-таки, дай намъ Богъ побольше такихъ необработанныхъ книгъ! Мы будемъ очень рады, если читатель изъ нашей статьи на столько ознакомился съ любопытнымъ, полезнымъ и разнообразнымъ трудомъ преосв. Порфирія, что вмѣстѣ съ нами пожелаетъ скорѣйшаго выхода въ свѣтъ его окончанія. Съ такимъ мастеромъ дѣла, съ такимъ прямымъ, здравомыслящимъ человѣкомъ и добрымъ христіаниномъ пріятно встрѣчаться какъ можно почаще.

1877. Октябрь.
Конотопъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ

ВЪ XVIII ТОМѢ СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Арабская цифра, напечатанная жирнымъ шрифтомъ, означаетъ нумеръ статьи; остальныя же арабскія цифры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго нумера. Римскими цифрами означены страницы «Извлеченій изъ протоколовъ отдѣленія», которыми начинается книга.